

понимають какъ нельзя лучше настоящій смыслъ проводимыхъ ими законовъ. Это, конечно, не значить, чтобы австрійскій первый министръ или даже „великій“ имперскій канцлеръ стояли выше Роберта Пила; подобно ему, они являются только людьми своего времени. Въ основаніи государственнаго социализма лежитъ прежде всего уступка требованіямъ необходимости. Чему-нибудь опытъ цѣлаго столѣтія не могъ не научить государственныхъ людей; эпоха застоя и сопротивленія à outrance повидимому миновала. Масса населенія не скидывается больше со счетовъ, не разсматривается больше какъ нуль, ничтожный самъ по себѣ и приобретающій значеніе только въ связи съ какою-либо положительною величиною. Потребности народа изучаются, принимаются въ соображеніе, становятся предметомъ дѣйствительной заботы. Насколько искренна и безкорыстна такая заботливость—это другой вопросъ, въ разныхъ случаяхъ допускающій различные отвѣты; важенъ здѣсь самый фактъ, независимо отъ его побужденій. Не подлежитъ впрочемъ, никакому сомнѣнію, что холоднымъ благоразуміемъ, тонкимъ расчетомъ не исчерпывается вся подкладка государственнаго социализма. Въ ея составъ входитъ и чувство долга, и стремленіе къ справедливости, и симпатія ко всему обездоленному, страждущему, нуждающемуся въ поддержкѣ. Отсюда появленіе однородныхъ тенденцій не только тамъ, гдѣ уже ясно обрисовалась грозная опасность, но и тамъ, гдѣ она едва чувствуется въ воздухѣ. Въ противоположность извѣстной русской пословицѣ, девизомъ государственнаго социализма могли бы быть слова: „незачѣмъ ждать грома, чтобы перекреститься“.

Попытки облегчить положеніе народа встрѣчались вездѣ и всегда; нужно ли было создавать для нихъ новое имя, да еще притомъ имя съ такимъ подозрительнымъ оттѣнкомъ, какъ *государственный социализмъ*? Не этимъ ли именемъ обуславливаются, по крайней мѣрѣ отчасти, предубѣжденія, вызываемыя самой системой? Можетъ быть; власть слова, звука все еще велика, притягательную или отталкивающую его силу отрицать трудно. Мы имѣемъ, однако, дѣло съ совершившимся фактомъ; имя новорожденному уже наречено—и выборъ его нельзя признать случайнымъ. Государственный социализмъ безспорно имѣетъ точки соприкосновенія съ тѣмъ направленіемъ, отъ котораго онъ заимствовалъ половину своего названія. Страшнымъ, вслѣдствіе этого, онъ можетъ казаться только запуганному воображенію или закоренѣлому эгоизму. Мы уже говорили, что словомъ *социализмъ* никогда не обозначалась строго-опредѣленная, замкнутая доктрина. Оно примѣнялось ко всѣмъ тенденціямъ, шедшимъ въ разрѣзъ съ ортодоксальной экономической наукой, съ зауряднымъ политическимъ катихизисомъ—ко всѣмъ ученіямъ, расширявшимъ область